

Перед Вэнь Суем лежал рукописный оригинал текста и два перевода. Поля оригинала были испещрены красными пометками. Для Вэнь Суя прочесть эти записи было делом нескольких мгновений. Раньше он сомневался, но теперь убедился: автор неофициальной истории действительно был чрезвычайно осведомлён. Он не только точно описал жизненный путь генерала, но и в подробностях изложил дворцовые слухи. Однако он умышленно не называл его имени, используя лишь титул «генерал Минъюй». Вэнь Суй понимал, что это имя было для него оскорблением, вероятно, оно было придумано по приказу императора. Странно, что тот удосужился поручить кому-то написать биографию генерала. По крайней мере, его не стали откровенно очернять, а изложили всё более-менее правдиво.

Услышав, что Вэнь Суй перестал листать страницы, Си Чжоу понял: тот нашёл, что искал. Вскоре он тоже прочёл этот отрывок.

— Так ты искал именно это? Я должен был догадаться раньше. Тогда тебе не пришлось бы тратить столько времени.

Вэнь Суй уловил намёк — оказывается, Си Чжоу не просто слышал об этом от Янь Миншэна, но и сам читал оригинал.

— Кажется, я изучал это ещё в средней школе. Больше всего мне запомнилась мать генерала.

— Почему именно она? — лицо Вэнь Суя помрачнело.

— Она производила особенное впечатление. Необыкновенная женщина, героиня, не уступавшая мужчинам. [1]

[1] 巾帼不让须眉 (jīnguó bù ràng xūméi) — дословно «женский головной убор не уступает мужской бороде», идиома о женщине, не уступающей мужчинам в доблести.

Кончики пальцев Вэнь Суя коснулись бумаги, на губах мелькнула едва заметная насмешливая улыбка:

— Генерала, обвинённого в измене, ты тоже назовёшь героем?

Услышав это, Си Чжоу невольно покачал головой и улыбнулся:

— Мой словарный запас, возможно, и небогат, но у меня сложилось именно такое впечатление. Вся его семья, включая отца, излучала одинаковый героизм — или скорее рыцарский дух, — Си Чжоу повернул свою книгу к Вэнь Сую — он тоже читал исторические хроники. — К тому же, как говорится, три человека скажут, что видели тигра, и все поверят. Нельзя слепо верить историческим записям — истину легко исказить. Многие великие люди пали жертвами необоснованных обвинений. Я считаю, генерала оклеветали.

— Ты в этом настолько уверен... — Вэнь Суй равнодушно перевернул страницу, скрывая мелькнувшее в его глазах волнение. В его голосе звучало безразличие, но Си Чжоу ответил серьёзно:

— С такими родителями и семейными традициями он просто не мог предать родину.

Вэнь Суй больше не спорил. Судить о людях прошлого — прерогатива нынешнего поколения. Он и не подозревал, что когда-нибудь будет сидеть и слушать, как кто-то выносит вердикт о его жизни, и рассказывает о его матери:

«Принцесса, посетив Восточный сад, велела своим слугам стрелять из лука. Не попавших ждало наказание. Затем она поместила перед собой в качестве мишени игольное ушко и поразила его собственной стрелой, вызвав всеобщее восхищение...»

«Состязание за руку принцессы: она прострелила шпильку из слоновой кости с первого выстрела, и ни один воин или учёный не осмелился бросить ей вызов...»

«Когда на севере вспыхнул мятеж и в столице не нашлось достойного полководца, старшая принцесса, несмотря на беременность, вызвалась возглавить войска. Император дал согласие...»

«Сотни чиновников подали петицию, обвиняя принцессу в недостойном женщины поведении. Император приказал ей оставаться в резиденции — фактически под домашним арестом...»

«В начале года синью, когда выпал первый снег, она скончалась. Генерал просил разрешения похоронить её вместе с отцом, но ему было отказано».

Несколько штрихов неофициальной истории — и вся человеческая жизнь рассказана. На самом деле, многое осталось опущено. Например, что принцесса Жунчан была родной сестрой покойного императора — женщиной невероятной красоты, одинаково искусной в литературе и военном деле, перед которой мужчины её времени чувствовали себя ничтожными. Жаль только, что её брат оказался бездарным и слабым правителем. [3] В его правление страну раздирали внутренние и внешние кризисы, и если бы не помощь сестры, его бы давно свергли.

[3] тут упоминается Лю Адоу 劉杲 (liúǎdǒu) — разг. тряпка; растяпа, неудачник, лузер (по прозвищу правителя царства Шу, слабовольного Лю Чаня 劉禅 (liúchán) Слабый и некомпетентный император, полагавшийся больше на поддержку подчинённых. Его история породила ещё один чэньюй «веселясь, не думать о Шу» (樂不思蜀), образное выражение для обозначения ситуации, когда за весельем забывают о долге.

Или вот: принцесса отправилась на войну беременной, в то время как её муж тоже командовал войсками. Муж и жена защищали страну на разных фронтах — один на западе, другая на севере. Со стороны казалось, что их разделяли тысячи ли, но они были единомышленниками. Принцесса использовала брак как политический инструмент: ей нужна была поддержка семьи мужа, чтобы удержать шаткий трон брата. У каждого были свои цели, в те смутные времена никто не был свободен в своих решениях. Но, как верно заметил Си Чжоу, его родители действительно были выдающимися — драконами и фениксами среди людей — настоящими героями в его глазах.

Жаль только, что судьба сыграла с ними злую шутку: один погиб на плахе, другая повесилась. Вэнь Суй до сих пор не мог до конца понять, что за чувства связывали их. Если говорить о любви, единокоренны они были только в совместной борьбе против внешних врагов, в остальных же вопросах всегда занимали противоположные позиции и открыто противостояли друг другу. Если любви не было, почему мать, клявшаяся дожить до падения новой династии, последовала за отцом сразу после его смерти?

— Я помню, в этой биографии упоминался ещё один выживший родственник генерала, но его судьба неясна, — заметил Си Чжоу, продолжая читать. — Вот здесь, — он указал на одну из

строк: — «Младшая сестра была юной, с детства предпочитая платьям лошадей. Она была открытой и жизнерадостной, унаследовав характер своей матери». Кажется, о ней ещё где-то упоминалось. Это сестра генерала, о ней мало написано.

Вэнь Суй знал, что была ещё одна строка: «Сестра была очень храброй. Пробравшись ночью во дворец, она пыталась спасти брата, но не смогла. Дальнейшая её судьба неизвестна». Хотя Си Чжоу утверждал, что у таких выдающихся родителей не мог родиться недостойный сын, Вэнь Суй всегда чувствовал, что мало похож на них. Скорее, другой человек, его сестра, больше походила на их родного ребёнка.

Фраза «дальнейшая судьба неизвестна» звучала так просто! На самом деле, чтобы спасти своего брата, она, не колеблясь, пробралась ночью в запретный дворец. Ей перебили ноги и бросили в тюрьму. Её муж, порвав с семьёй, пошёл во дворец просить за свою жену перед императором, но был обвинён в неуважении и заточён в тюрьму.

Вэнь Суй узнал об этом от дворцовой прислуги. Позже он пообещал подчиниться любому решению императора в обмен на жизнь сестры и её мужа. Их приговорили к пожизненной ссылке. Вэнь Суй так и не смог с ними попрощаться. Он лишь наблюдал с высокой городской стены, как удаляется их повозка, оставляя за собой две длинные колеи, тянущиеся вдаль.

Его сестра, сильная и прямолинейная, яркая, как огонь, осталась калекой, прикованной к инвалидной коляске. Она с рождения страдала головокружениями, но была вынуждена перенести долгий изнурительный путь, преодолевая тысячи гор и рек. Пожалуй, единственным утешением оставалось лишь присутствие рядом человека, с которым она делила радости и горести [3].

[3] 相濡以沫 (xiāng rú yǐ mò) — китайская идиома, которая буквально переводится как «рыбы, увлажняющие друг друга слюной на мели». Описывает ситуацию, когда две рыбы оказались в луже, которая пересыхает. Чтобы выжить, они делятся друг с другом последней влагой — своей слюной.

Из-за политического брака своих родителей Вэнь Суй настоял, чтобы его сестра сама выбрала себе мужа по сердцу. В итоге они с мужем действительно жили как две половинки одного целого, создав крепкий союз, который выдержал проверку временем [4].

[4] 鶼鶼 (jiān dié qíng shēn) — китайская идиома, описывающая глубокую и нежную любовь между супругами. 鶼 (jiān) — сказочная птица с крыльями на одном боку или с одним крылом, способная летать только в паре с другой такой же птицей. 鶼 (dié) — камбала, рыба с глазами на одном боку, которая также символизирует парную связь. В древности считалось, что камбала всегда плавает парами, и поэтому она стала символом семейной гармонии и любви. Это образное сравнение подчёркивает взаимную привязанность, гармонию и верность, как у подобных птиц и рыб, которые, согласно традиции, всегда остаются вместе. 鶼鶼 (qíng shēn) означает «глубокие чувства», «глубокая любовь».

Но что стало с сестрой потом — жива ли, здорова ли, счастлива ли — Вэнь Суй так и не узнал. Его глаза скользили по строчкам, но мысли уже унеслись далеко за пределы страницы. Заметив его задумчивость, Си Чжоу взял тетрадь и нашёл запомнившуюся ему строку:

— Вот, это и отложилось в моей памяти... Даже младшая сестра проявила такую отвагу, осмелившись ночью проникнуть во дворец спасти брата! Кто ещё способен на такое? Даже подумать страшно. Поэтому я прав: женщины в их семье — настоящие герои, как и мужчины.

Вэнь Суй не понимал, почему Си Чжоу так настаивает на этом. Вернув ему тетрадь, Си Чжоу закрыл свою книгу:

— Читая эту историю сейчас, я невольно вспоминаю одного человека. Может, и ты почувствовал то же самое?

— Кого?

— Жань-Жань.

Выражение лица Вэнь Суя стало сложным — Си Чжоу вновь незримо прочитал его мысли.

— Жань-Жань — сильная девушка. Она тоже напоминает мне тех героинь, что храбры как мужчины, но она всего лишь девочка. Видимо, есть такие люди — глядя на них, чувствуешь их внутреннюю силу, и веришь, что они способны на что угодно, — Си Чжоу внимательно

посмотрел на Вэнь Суя: — Ты тоже из таких.

Днём, возвращаясь домой, Вэнь Суй ушёл не с пустыми руками. Си Чжоу взял для него две книги, а Янь Миншэн отдал ему фотоальбом и небольшую железную коробочку. Альбом был полон фотографий прежнего хозяина тела — от младенчества до шестнадцати лет. Листая его, Янь Миншэн рассказывал Вэнь Сую истории, которые слышал от его деда. Иногда память его подводила, но большую часть он передавал живо и красочно.

На этих фото прежний Вэнь Суй представал совсем иным — с проказами, детскими шалостями и забавами. Это был не тот образ, что знал нынешний Вэнь Суй, но куда более живой и настоящий. Всё это было запечатлено взглядом деда — подавляющее большинство снимков он сделал лично. Что касается железной коробочки, Янь Миншэн сказал, что она изначально принадлежала Вэнь Сую. Тот, кажется, очень ею дорожил, но однажды в сердцах сказал, что она ему больше не нужна. Дедушка сохранил её, а теперь вернул законному владельцу. На коробке был маленький замок, но ключа не было. Её было просто взломать, но, поскольку это была чужая вещь и Вэнь Суй не знал, почему прежний владелец тела от неё отказался, он решил пока сохранить её, не открывая.

— В следующий раз, когда придёшь, дедушка сделает тебе интересную игрушку! — Янь Миншэн провожал их до такси. Вэнь Суй заметил, что тётя Линь тоже вышла вместе с ними. Попрощавшись с Янь Миншэном, она пошла по тропинке с сумкой в руках.

В машине Вэнь Суй спросил:

— Твой дедушка живёт один?

— Бабушка умерла два года назад — она была намного старше деда. Он любит жить один и не хочет, чтобы я за ним ухаживал. Поэтому я нашёл ему сиделку, тётю Линь. Она очень хороший человек, к тому же дальняя родственница, живёт неподалёку. Она помогает ему, готовит еду, убирается и всё такое.

Вэнь Суй понял. Си Чжоу продолжил:

— Мой дедушка не очень общительный, но, похоже, ты ему понравился.

Это было очевидно. Наверное, любовь распространилась с одного на другого — он перенёс свою любовь к деду Вэнь Суя на него самого. [5]

[5] 爱屋及乌 (ài wū jí wū) — дословно «любить дом и ворон на его крыше». Идиома, означающая, что любовь к одному человеку или предмету распространяется и на связанные с ним вещи или людей.

Вечером позвонил Вэнь Цунцзянь. Вэнь Суй рассказал о фотоальбоме и спросил, не знает ли он, где ключ от маленькой железной коробки. Оказалось, что Вэнь Цунцзянь даже не знал о её существовании. Похоже, это был маленький секрет прежнего владельца тела и его дедушки. Вэнь Суй решил пока просто убрать коробку.

У Си Чжоу сегодня было два вечерних занятия, одно из которых было заменой вчерашнего для Жань-Жань — он вернулся поздно. Когда он пришёл, Вэнь Суй сидел в спальне, опустив ноги в таз с водой, с фотоальбомом на коленях. Си Чжоу не стал его отвлекать. Он пошёл на кухню, вскипятил ещё воды и, вернувшись в комнату, поставил чайник рядом с Вэнь Суем:

— Если вода остынет, добавь ещё.

Си Чжоу вышел, но через некоторое время вернулся снова. Вэнь Суй подумал, что ему что-то нужно, но тот откинул покрывало и вытащил из-под кровати притаившуюся там черепаху.

—Кэ-Кэ...— сказал Си Чжоу беспомощно. Черепаха снова умудрилась залезть под кровать. Вэнь Суй наблюдал, как Си Чжоу уносит её, приговаривая:

— В следующий раз поиграй в прятки в другом месте.

Эта сцена показалась ему забавной. Вэнь Суй вернулся к фотоальбому. Он как раз дошёл до фото, на котором прежний владелец тела стрелял из лука. После посещения того модного тира Вэнь Суй узнал термин «постановочный кадр». Эта фотография, вероятно, была постановочной: мальчик держал лук намного больше его самого, скорее всего, это был лук дедушки. На его фоне ребёнок казался особенно маленьким. Но выражение лица, взгляд... В нём чувствовался настоящий азарт. Не похоже, что в школе его обижали. Было видно: ему это действительно нравилось.

Сегодня, слушая рассказы Янь Миншэна о детстве прежнего владельца тела, Вэнь Суй воспринимал эти воспоминания вместе с фотографиями — так они усваивались легче. Он старательно запоминал их, иногда испытывая непонятное волнение — то ли это были его собственные чувства, то ли он поддавался эмоциям старика. Но он больше не мог обманывать себя, говоря, что ему всё равно. Тем более целый шкаф, полный книг... Какая же одержимость нужна, чтобы достичь уровня Вэнь Бои... Вэнь Суй закрыл глаза и, едва представив себе старика, склонившегося над книгами, словно увидел его перед собой.

«Мы с твоим дедушкой дружили несколько десятков лет и почти никогда не ссорились. Кроме одного случая — когда узнали, что ты хочешь научиться стрелять из лука и участвовать в соревнованиях. Мы спорили, кто будет твоим первым учителем, и ни один не хотел уступить».

Вэнь Суй откинулся на спинку стула и, заметив рядом чайник с кипятком, долил немного воды в тазик.

«Ты в детстве был таким упрямым. Твои родители были против, а твой дедушка сказал, что тебе надо учиться стрелять из традиционного лука для укрепления здоровья. Но ты не согласился, ты хотел учиться стрельбе из спортивного лука. Ты был слишком мал, чтобы находить компромиссы. Жаль, что в итоге ты так и не научился. Мы с твоим дедушкой спорили напрасно...»

Остывающая вода в тазике снова стала тёплой. Вэнь Суй, вспоминая слова Янь Миншэна, чувствовал, как что-то новое наполняет его душу. Он снова посмотрел на фотографию. В руках прежнего владельца тела был спортивный лук. Он хотел научиться стрельбе из лука, хотел, как Вэнь Бои, Янь Миншэн, Си Чжоу и Жань-Жань, участвовать в соревнованиях. Вэнь Суй провёл пальцем по фотографии маленького мальчика, и услышал свой внутренний голос: «Помоги ему».

Традиционный лук он уже освоил, и продолжать притворяться не имело смысла. Раз уж он временно занял это тело, вместо бесполезной траты времени лучше научиться тому, что хотел уметь прежний хозяин. Когда он вернётся, навыки останутся, и учёба не будет напрасной. «Он наверняка будет рад, — подумал Вэнь Суй. — А если он сможет вернуть уверенность в себе, как в детстве, и перестанет быть жертвой издевательств в школе, будет лучше.

На следующее утро Вэнь Суй тоже пришёл в клуб, который из-за трёх пропущенных Си Чжоу дней нуждался в генеральной уборке. Конечно, Си Чжоу не стал заставлять травмированного Вэнь Суя помогать и отправил его ждать в многофункциональный зал. Но вскоре Вэнь Суй вышел оттуда и, наблюдая, встал неподалёку. Он ничего не говорил, но его намерения были очевидны. Си Чжоу сдался и протянул ему две тряпки:

— Можешь протереть столы.

Раньше, приходя в клуб, Вэнь Суй заставлял уже почти прибранное помещение. Теперь же,

начав сначала, он оценил весь объём работ этом просторном клубе — и внутри, и снаружи. Нужно было пропылесосить все залы, начиная с самого дальнего, расставить по местам все вещи. Только Си Чжоу знал, где что должно лежать, поэтому всегда делал уборку сам. Но столов, которые нужно было протереть, оказалось не так много: по одному в каждом классе, обеденный стол в комнате отдыха, журнальный столик в холле и стойка ресепшена. Кухонная столешница, единственное действительно грязное место, на этой неделе почти не использовалась — была покрыта лишь пылью, без следов жира.

Закончив свою часть, Вэнь Суй увидел, что Си Чжоу всё ещё занят. Он прополоскал тряпки и осмотрелся. В комнатах было очень светло, особенно в самом большом зале в юго-восточном углу — три больших окна пропускали утреннее солнце, заливая пол ярким светом. Поставив в дверях, Вэнь Суй не удержался и подошёл к окну. Он поднял лицо к солнцу, прикрыв глаза рукой. Солнечные лучи тут же согрели его до горячего покалывания в щеках. В этот момент сердце забилось сильнее, и у Вэнь Суя возникло странное ощущение — иллюзия, будто он по-настоящему живёт в этом теле. Но это была всего лишь иллюзия.

Вэнь Суй резко опустил голову, убрав руку, позволяя телу постепенно остыть. После долгого нахождения в темноте, хочется выйти на свет, прямо как он сейчас. Вэнь Суй усмехнулся и, обернувшись, замер на месте. Перед глазами всё ещё плавали яркие пятна света, и Вэнь Суй не сразу разглядел высокую фигуру в дверях. Он не испугался, но, когда понял, кто это, почувствовал лёгкое недоумение. Это был Си Чжоу. Сколько же он там стоял и молчал?

— Ты...

— Ты...

Вэнь Суй вздохнул слегка раздражённый. Можно ли это назвать странным совпадением? Пару недель они были в такой же ситуации, только на этот раз рядом не было Чжэн Сюйжэня, чтобы разрядить обстановку. Но, к счастью, Си Чжоу быстро сориентировался и сказал:

— Давай ты первый.

После паузы Вэнь Суй спокойно ответил:

— Я хочу помыть окна.

Си Чжоу подошёл:

— Помыть окна? Их не нужно мыть каждую неделю. Давай посмотрю, — он провёл рукой по стеклу снаружи и изнутри. — Да, немного грязные. Можно помыть. Но эти окна довольно высокие, я поищу что-нибудь, чтобы дотянуться.

Си Чжоу принёс ведро с водой и швабру для пола, после чего заменил тряпку на ней.

— Положи тряпку прямо в ведре, не бегай туда-сюда. Когда вода станет грязной, я заменю, — он показал Вэнь Сую, как мыть окна: — Так можно дотянуться до самого верха. Если не достанешь — ничего, я потом домою, когда всё уберу.

Когда Си Чжоу ушёл, Вэнь Суй поднял швабру, и на его обычно бесстрастном лице появилось почти презрительное выражение: «Если считаешь меня недомерком, так и скажи». Хотя настроение было подпорчено, Вэнь Суй засучил рукава и принялся за работу. Решив не быть нахлебником, он не мог бросить дело из-за такой мелочи. Но, как он ни старался, этот импровизированный инструмент для мытья окон не желал с ним сотрудничать. Швабра отказалась с ним сотрудничать. Все равно что чесать ногу, не снимая сапога, — никакого толку. Мыть руками было намного удобнее, поэтому Вэнь Суй отложил швабру, передвинул стол к окну и взобрался на него. Так было гораздо легче: высота была идеальной, и он мог мыть сразу два окна. Именно эту картину застал Си Чжоу, когда вошёл.

— Осторожно, не упади, — он быстро подошёл и придержал стол. — Вверху я помою сам.

— Я буду осторожен, — спокойно ответил Вэнь Суй, продолжая тщательно протирать стекло.

Си Чжоу посмотрел на его спину, и Вэнь Суй подумал, что он сейчас начнёт уговаривать его слезть, но вместо этого Си Чжоу сказал:

— Ты довольно изобретателен, — в его голосе слышалась лёгкая улыбка, он говорил мягко, снисходительно и чуть беспомощно. — Ладно, мой, только будь осторожен.

Убедившись, что окна закрыты, Си Чжоу развернулся и ушёл. Вэнь Суй удивлённо посмотрел ему вслед — тот уносил ведро с водой и тряпку. Вэнь Суй медленно и немного рассеянно водил тряпкой по стеклу. Вдруг снаружи раздался лёгкий стук. Вэнь Суй поднял глаза и увидел Си Чжоу, который стоял на улице и махал ему рукой.

— Я помою снаружи, — судя по движению губ, он говорил именно это. Затем он поднял ведро и быстро выплеснул воду на окно.

Стёкла мгновенно стали мокрыми, потоки воды ливнем стекали вниз, постепенно открывая вид на человека за окном. Си Чжоу, размахивая длинными руками, уже вовсю работал. Вэнь Суй знал, что Си Чжоу высокий, но сейчас, когда они стояли по разные стороны одного окна, Си Чжоу мог дотянуться до самого верха, стоя на земле, а Вэнь Суй, сидя на столе, был почти на одном уровне с ним.

Гений, первый стрелок страны. Этот титул не казался неуместным для Си Чжоу, Вэнь Суй считал, что он его заслужил. Но... Неосознанно взгляд Вэнь Суя скользнул к левой руке, прижатой к стеклу снаружи, затем переместился к лицу. Си Чжоу был сосредоточен на работе и, словно почувствовав взгляд, поднял глаза. Вэнь Суй приоткрыл окно:

— Си Чжоу.

— Что?

— Я хочу научиться стрелять из спортивного лука, — серьёзно сказал Вэнь Суй.

Обычно во время работы, даже при мытье окон, Си Чжоу слегка хмурился. Сейчас он не сказал ни слова, но его лицо вдруг просветлело, словно яркое сияние разлилось по зелёным горам, вышедшим из тумана и туч. Сквозь тонкие линзы очков и толстое оконное стекло были видны его изогнутые в улыбке глаза; словно вобрал солнечные лучи, Си Чжоу вдруг стал невероятно

светлым и тёплым.

— Я понял, — он закрыл окно и беззвучно добавил: — Будь осторожен.

Вэнь Суй замер и резко отвёл взгляд. С этого момента он сосредоточился только на мытье окон, и больше не смотрел на того, кто был по ту сторону стекла.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12809/1130089>